

УДК 902

DOI 10.22162/2500-1523-2017-11-5-19

Погребения эпохи бронзы с орудиями труда и оружием из курганных групп *Восточный Маныч*

The East Manych Mound Group: Bronze Age Burials Containing Tools and Weapons

Е. Г. Буратаев (E. Burataev)¹, М. А. Очир-Горяева (M. Ochir-Goryaeva)², Э. А. Кекеев (E. Kekeev)³

¹ младший научный сотрудник, отдел истории, археологии и этнологии, Калмыцкий научный центр Российской академии наук. E-mail: burataev1981@mail.ru

Junior Research Associate, Department of History, Archaeology and Ethnology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: burataev1981@mail.ru

² доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, отдел истории, археологии и этнологии, Калмыцкий научный центр Российской академии наук. E-mail: mariaochir@gmail.com

Ph. D. in History (Doct. of Historical Sc.), Leading Research Associate, Department of History, Archaeology and Ethnology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: mariaochir@gmail.com

³ научный сотрудник, отдел истории, археологии и этнологии, Калмыцкий научный центр Российской академии наук. E-mail: kekeev.kekeev@yandex.ru

Research Associate, Department of History, Archaeology and Ethnology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: kekeev.kekeev@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу погребений ямной и катакомбной культур с орудиями труда и оружием из камня и металла в составе погребального инвентаря из курганных групп *Восточный Маныч*. Проведенное исследование выявило различные аспекты, связанные с культурно-хронологическими и половозрастными особенностями погребенных. Социальный статус погребенных также находит отражение в качественном составе каменных и бронзовых орудий труда и оружия. Наиболее ярко на материале изученных памятников проявилась профессиональная специализация ремесленников и мастеров.

Ключевые слова: *Восточный Маныч*, курганы, погребения, орудия труда, оружие, жертвенники, кенотафы, половозрастные особенности.

Abstract. The article analyzes burials of the Yamna (Pit Grave) and Catacomb cultures containing stone and metal tools of trade and weapons from the East Manych Mound Group. The survey revealed a number of facts connected with cultural, chronological, age and gender characteristics of the buried individuals. Their social status is also prompted by the quality of stone and bronze tools and weapons. The studied materials most vividly show the occupational specialization of the craftsmen.

Keywords: East Manych, barrows, burials, tools of trade, weapon, sacrificial altars, cenotaphs, age and gender characteristics.

Изучение курганных групп *Восточный Маныч* было проведено в рамках спасательных археологических раскопок в 1965–1967 гг. За три полевых сезона было исследовано 329 курганов, 1 541 погребение, что без малого составляет половину всех изученных памятников археологии в Республике Калмыкия (всего было в период с 1929 г. было исследовано более 1 200 курганов, 3 900 погребений). Результаты полевых работ были введены в научный оборот в виде двух монографий и серии статей под авторством руководителей раскопок — профессоров И. В. Сеницына и У. Э. Эрдниева [Сеницын 1978; Сеницын, Эрдниев 1979; 1981; 1982; 1985; 1987а; 1987б; 1991; Эрдниев 1982].

Под названием «Восточный Маныч» объединено семь курганных групп, каждая из которых насчитывала до нескольких десятков курганов. Наименьшее количество курганов было в группе ВМПБ-1-1965¹ (30 курганов), наибольшее количество — в группе ВМЛБ-2-1966² (83 кургана). Группы были расположены на обоих берегах р. Восточный Маныч на площади протяженностью с востока на запад примерно 20 км, с юга на север — около 5 км. Столь высокая степень концентрации курганов в одном определенном месте — явление не частое даже в таких регионах, как полупустынные степи между р. Волгой и Манычем. В силу исторических и ландшафтно-географических особенностей именно этот регион

¹ Курганная группа Восточный Маныч, правый берег, через дефис указывается год раскопок (далее — ВМПБ).

² Курганная группа Восточный Маныч, левый берег, через дефис указывается год раскопок (далее — ВМЛБ).

отличается от остальных участков восточноевропейских степей необычайно высоким количеством сохранившихся археологических памятников.

Судя по степени концентрации курганов и их многочисленности, долина р. Кумы и Восточного Маныча отличалась в эпоху бронзы оптимальными условиями проживания и жизнеобеспечивающими ресурсами. Долина р. Кумы и Восточного Маныча занимает восточную часть Кумо-Манычской впадины, узкой низменности, расположенной между Ергенинской возвышенностью на севере и Ставропольской возвышенностью на юге. В геологическом прошлом (20–30 млн лет назад) это был пролив, соединявший нынешние Черное и Каспийское моря. Этим обусловлено наличие множества болот, лиманов, протоков, составляющих крупную древнюю разветвленную водную систему, называемую Манычской. Таким образом, долина р. Кумы и Восточного Маныча являлась наиболее обеспеченной водными источниками частью волго-манычских степей в древности.

В последние годы авторским коллективом проводится работа по переработке результатов масштабных археологических работ, их переоценке и вводу в научный оборот тех аспектов изучения материалов курганных групп *Восточный Маныч*, которые до сих пор остаются до сих пор мало исследованными. В предыдущих работах авторского коллектива был создан свод памятников, исследованных в долине р. Восточный Маныч, в процессе работы была заново проведена инвентаризация фондов археологических коллекций, а также ряд исследований посвященным отдельным аспектам погребальной традиции бронзового века [Кекеев 2014; Кекеев, Буратаев 2015].

В данной работе будет продолжено изучение погребений раннего и среднего бронзового века с оружием и орудиями труда. Целью является исследование погребальных комплексов, содержащих данные категории инвентаря. Для анализа были отобраны все погребения, содержащие изделия из бронзы и камня (в том числе кремь), относящиеся к орудиям труда и оружию. Таким образом, было отобрано 145 погребений и три жертвенника из 102 курганов. В данную выборку вошли погребения, отнесенные авторами

раскопок к ямной и катакомбной культурам с инвентарем, содержащим изделия из камня (в том числе кремьень), за исключением бус, и изделия из бронзы, исключая скрепы, бусы и другие украшения. В целом необходимо отметить, что процент погребений, относящихся к данной группе, составляет 10,9 % всех погребений рассматриваемой эпохи, что говорит нам о высокой ценности этой категории предметов.

Доля погребений раннего этапа бронзового века (отнесены авторами раскопок к ямной культуре) составляет 4 %, 19 погребений из 479. Среди погребений катакомбной культуры этот процент заметно выше — 14,9 %, 126 погребений из 846, хотя остается достаточно низким. Увеличивающуюся долю этих погребений можно объяснить техническим прогрессом, который влиял, в том числе, на сакральную сферу древнего населения. Появившиеся технологии позволили создавать новые орудия, облегчали создание традиционных предметов быта, вслед за этим появилось заметное разнообразие среди предметов погребального инвентаря среднего этапа эпохи бронзы.

Сделана попытка через вещи реконструировать жизнь людей, владельцев этих предметов. Хотя изделия из камня составляют заметную долю погребального инвентаря, они остаются менее изученной категорией погребального инвентаря.

Рассматривая регион Кумо-Манычской впадины как регион, отличающийся высокой плотностью погребальных памятников археологии, приведем данные подобного исследования среди памятников Калаусско-Егорлыкского междуречья эпохи бронзы (раннего этапа средней бронзы), где только 61 погребение из 22 могильников содержало предметы из бронзы (нож бронзовый — 14, шило бронзовое — 14, топор бронзовый — 2, долото — 2 и т. д.). Из 67 погребений семи курганных групп *Восточного Маныча* происходят 57 бронзовых ножей (рис. 7), 58 бронзовых шильев, 5 бронзовых крюков (рис. 8), 2 иглы, 2 долота, 2 бронзовых топора. В Закубанье из 51 погребения раннего этапа эпохи средней бронзы происходило 46 ножей и 43 шила, что близко сопоставимо с материалами из курганных групп *Восточный Маныч* [Клещенко 2011: 88–99].

Из 87 погребений с бронзовыми орудиями и оружием к ямной культуре отнесены 6 погребений, из которых 4 были основными, 2 погребения отнесены к «ямно-катакомбной культуре», из которых одно погребение было основным. Остальные погребения (81) отнесены к катакомбной культуре, основными были только 4 погребения (два мужских, одно женское и одно погребение ребенка).

В ходе изучения погребений с предметами из бронзы было установлено, что эти предметы представлены в обеих группах аналогичными формами. Как и изделия из камня, бронзовые орудия труда и оружие несут определенную функцию, которая и диктует форму и размеры предмета.

Важным признаком, указывающим на социально-культурное единство (близость) ямной и катакомбной культур, являются мраморные булавы и диоритовые топоры, а также одинакового типа кремневые наконечники стрел ассиметричной формы, интерпретируемые как символы власти и оружия. По данным современных исследований, представители ямной культуры сосуществовали в степной зоне с раннекатакомбной и восточноманычским вариантом катакомбной культуры с XXVI по XXIII в. до н. э. [Шишлина 2007; Андреева 2014], т. е. в течение трех веков, потому единство символов власти и оружия представляется вполне логичным.

В ходе изучения группы погребений ямной культуры они были рассмотрены отдельно, согласно половозрастной характеристике погребенного или погребенных. Чаще всего изделия из камня и бронзы входили в состав инвентаря погребений мужского пола (рис. 1, рис. 3, рис. 9). Из 16 погребений ямной культуры с каменным инвентарем только три были женскими (рис. 2, рис. 4) и одно было детским — в погребении ребенка 3–4 лет находился пест серого цвета.

Таким образом, рассмотренная группа погребений ямной культуры с каменным инвентарем показала, что единичные предметы из камня в ямных погребениях, с одной стороны, свидетельствуют об использовании населением ямной культуры в повседневной, профанной сфере каменных орудий и оружия, с другой — дает основания для предположения о символическом значении этих предметов в могиле. Погребенные, в могилу которых были положены

каменные песты, скорее всего, сами лично не пользовались этими пестами в жизни в силу их высокого социального статуса и/или малолетнего возраста.

Несколько иная картина вырисовывается при рассмотрении погребений с орудиями и оружием из бронзы. В нашей выборке насчитывается 9 погребений (4 женских, 4 мужских, одно неопределенное). Доля женских и мужских погребений примерно равна. Четыре женских погребения содержали бронзовое шило (рис. 6), а два еще и бронзовый нож. При этом 3 женских погребения были основными и только одно из мужских погребений было основным, инвентарь состоял из изделий из бронзы (нож, шило и крюк).

При анализе группы погребений катакомбной культуры с орудиями труда и оружием выявлен более высокий процент по отношению к общему числу, а также разнообразие самих предметов по сравнению с погребениями ямной культуры. Следующим различием рассматриваемых групп погребений является то, что среди катакомбных погребений выделяются погребальные комплексы не с единичными орудиями из металла, а с целым комплектом различных изделий из камня и необработанных камней. В археологии такие погребения традиционно интерпретируются как погребения ремесленников, что подтверждается результатами изучения как самих предметов, так и костных останков погребенных.

Символические погребения без останков умершего (кенотафы) являются одним из характерных признаков катакомбной культуры, их не сооружало древнее население степной зоны ни до катакомбной культуры, ни после нее. В нашей выборке насчитывается 10 кенотафов (все были впускными) и содержали по одному каменному предмету (каменный пест или необработанный камень).

В анализируемую группу вошли три жертвенника: один из них содержал три экземпляра каменных пестов (один четырехгранный (рис. 5) и два овальных в сечении) и одну зернотерку.

Погребение 2 из кургана 1 группы ВМПБ-1-1967 было интерпретировано как погребение ремесленника, в состав погребального инвентаря входили следующие предметы: пест каменный, орудие каменное продолговато округлой формы, предмет каменный в виде поделки, орудие каменное долотовидной формы. Аналогич-

ные погребения были открыты в курганных группах *Овата-5* (курган 4 погребение 1) [Арапов 1992] и в курганной группе *Шатта* (курган 1 погребение 2) [Кольцов, Дремов 2012: 27–37]. Погребения ремесленников из курганных групп *Восточный Маныч* явно заслуживают отдельного рассмотрения с привлечением анализов костного материала и трасологического исследования самих орудий труда. Перспективность подобного исследования хорошо продемонстрирована результатами палеопатологического и специального химического анализа костей человека из курганной группы *Невинномыский-3*. Кроме индикаторов интенсивной прижизненной нагрузки, было установлено наличие в костях следов металлов: Cu, Cr, Co, Ni, Pb, As, что не оставляет сомнений в том, что в погребении бронзового века был похоронен профессиональный литейщик [Berezina, Dobrovolskaya, Kalmykov 2016: 21].

Нами проанализировано 80 погребений с орудиями труда и оружием из бронзы. Среди них 27 мужских погребений, 24 женских, 4 погребения детей, 8 коллективных, один кенотаф и несколько неопределенных. Половую специфику в распределении бронзовых орудий труда и оружия отражают всего несколько комплексов. В трех мужских погребениях были найдены бронзовые топоры и долота (погребение 7 из кургана 34 группы ВМЛБ-2-1965, погребение 10 из кургана 16 и погребение 5 из кургана 30 группы ВМПБ-1-1967). В двух женских погребениях были найдены, кроме ножа и шила, еще и бронзовые иглы с футляром (погребение 12 из кургана 43 группы ВМЛБ-1-1966 и погребение 9 из кургана 16 группы ВМЛБ-3-1966). Бронзовыми ножами и шильями пользовалось население и раннего, и среднего этапов бронзового века без различия пола и возраста. Если бронзовые шилья и иглы однозначно можно отнести к орудиям труда, то бронзовые ножи в силу их двулезвийности рассматриваются также как наконечники боевых копий [Charman 2004: 101–143]. Являются ли бронзовые ножи свидетельством вооруженности населения или отражают специфику натурального хозяйства, когда каждый мог обеспечить себя одеждой из шкур и кожи животных, пользуясь ножом и шилом? В пользу второго предположения склоняет наблюдение антропологов об отсутствии следов боевых ранений у населения бронзового века

по сравнению с ранними и средневековыми кочевниками, несмотря на многие сотни изученных скелетов.

Таким образом, можно сделать предварительный вывод о том, что содержание орудий труда и оружия в погребении раннего и среднего бронзового века является показателем высокого статуса погребенного. Изъятие из бытового использования столь ценного предмета, как например, качественная зернотерка или хороший нож, скорее всего, происходило редко. Не всегда предметы могли использоваться погребенным при жизни, как в случае с детским погребением с каменным пестом, некоторые предметы несут символический характер. Представление о загробном мире и том, что погребальный инвентарь будет сопровождать усопшего, позволяет нам изучать древнее население и уровень развития технологий через элементы обряда погребения и предметы погребального инвентаря.

Литература

Андреева М. В. Восточноманычская катакомбная культура: анализ погребальных памятников. М.: Таус, 2014. 272 с.

Арапов С. В. Отчет об археологических исследованиях у с. Овата Целинного района Республики Калмыкия в 1992 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1 17070 // ИА КалмИЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 69.

Кекеев Э. А. Спасательные археологические раскопки курганной группы Восточный Маныч // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 2. С. 73–77.

Кекеев Э. А., Буратаев Е. Г. База данных археологических коллекций из раскопок курганной группы Восточный Маныч // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 3. С. 70–73.

Клеценко А. А. Бронзовые ножи и шилья раннего этапа эпохи средней бронзы Закубанья // Краткие сообщения Института археологии. 2011. Вып. 225. С. 88–99.

Кольцов П. М., Дремов И. И. Курганная группа Шатта 1 // Исследования курганов и старокалмыцких поселений Калмыкии (по материалам раскопок 2002–2009 гг.). Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2012. С. 27–37.

Синицын И. В. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954–1955) // Материалы и исследования по археологии СССР. 1960. № 78. С. 10–168.

Синицын И. В. Древние памятники Восточного Маньча. Ч. 1–2. Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 1978. Ч. 1. 130 с. Ч. 2. 117 с.

Синицын И. В., Эрдниев У. Э. Древности Восточного Маньча // Археологические памятники Калмыцкой степи. Элиста: КНИИИФЭ, 1979. С. 25–94.

Синицын И. В., Эрдниев У. Э. Древности Восточного Маньча // Археологические памятники эпохи бронзы и средневековья. Элиста: КНИИИФЭ, 1981. С. 29–66.

Синицын И. В., Эрдниев У. Э. Древности Восточного Маньча // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. Элиста: КНИИИФЭ, 1982. С. 59–62.

Синицын И. В., Эрдниев У. Э. Древности Восточного Маньча // Древности Калмыкии. Элиста: КНИИ ИФЭ, 1985. С. 43–78.

Синицын, Эрдниев 1987а — Синицын И. В., Эрдниев У. Э. Древности Восточного Маньча // Археологические исследования Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ, 1987. С. 83–98.

Синицын, Эрдниев 1987б — Синицын И. В., Эрдниев У. Э. Древности Восточного Маньча. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1987. 173 с.

Синицын И. В., Эрдниев У. Э. Древности Восточного Маньча // Материалы по археологии Калмыкии. Элиста: КИОН АН СССР, 1991. С. 4–21.

Эрдниев У. Э. Курганный могильник Восточного Маньча (правый берег) // Археологические памятники Южных Ергеней. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. С. 6–52.

Berezina N., Dobrovolskaya M., Kalmykov A., etc. Grave offerings of actual Tools: evidence of professional activity with anthropological methods // The 21st European meeting of the paleopathology association. Moscow, 2016. P. 21.

Chapman J. The origin of warfare in the prehistory of Central and Eastern Europe // Ancient Warfare. Archaeological Perspectives / ed. by J. Chapman and A. Harding. Sutton Publishing, 2004. P. 101–143.

References

Andreeva M. V. Eastern Manych Catacomb Culture: Analysis of Funerary Monuments. Moscow: Taus, 2014. 272 p. (In Russ.)

Arapov S. V. The Report on the Archaeological Research in the Village of Ovata, Tselinniy District of the Republic of Kalmykia in 1992. In: The Archive of the Institute of Archaeology of the RAS. R-1 17070. The Scientific Archive of Kalmyk Scientific Center of the RAS. Fund 14. Invent. 2. Case 69. (In Russ.)

Berezina N., Dobrovolskaya M., Kalmykov A., etc. Grave offerings of actual Tools: evidence of professional activity with anthropological methods. *The 21st European meeting of the paleopathology association*. Moscow, 2016. P. 21. (In Eng.)

Chapman J. The origin of warfare in the prehistory of Central and Eastern Europe. In: *Ancient Warfare. Archaeological Perspectives* / ed. by J. Chapman and A. Harding. Sutton Publishing, 2004. Pp. 101–143. (In Eng.)

Erdniev U. E. Barrow Burial Ground of the Eastern Manych (the Right Bank). In: *Archaeological Monuments of Southern Yergeny*. Elista: Kalm. Book Publ., 1982. Pp. 6–52. (In Russ.)

Kekeev E. A. Rescue Archaeological Excavations of the Eastern Manych Barrow Group. *Bulletin of Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS*. 2014. No. 2. Pp. 73–77. (In Russ.)

Kekeev E. A., Burataev E. G. Database of Archaeological Collections from the Excavations of the Eastern Manych Barrow Group. *Bulletin of Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS*. 2015. No. 3. Pp. 70–73. (In Russ.)

Kleshchenko A. A. Bronze Knives and Awls of the Early Stage of the Middle Bronze Age in the Kuban Region. In: *Brief Reports of Institute of Archaeology*. 2011. Is. 225. Pp. 88–99. (In Russ.)

Koltsov P. M., Dremov I. I. Barrow Group of Shatta 1. In: *Research of Barrows and Old Kalmyk Settlements of Kalmykia (on Materials of Excavations 2002-2009)*. Elista: Kalmyk State University Publ., 2012. Pp. 27–37. (In Russ.)

Sinitsyn I. V., Erdniev U. E. Antiquities of the Eastern Manych. Elista: Kalm. Book Publ., 1987. 173 p. (In Russ.)

Sinitsyn I. V., Erdniev U. E. Antiquities of the Eastern Manych. In: *Archaeological Research of Kalmykia*. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1987. Pp. 83–98. (In Russ.)

Sinitsyn I. V. Ancient Monuments in the Lower Yeruslan (on Excavations 1954–1955). *Materials and Research on Archeology of the USSR*. 1960. No. 78. Pp. 10–168. (In Russ.)

Sinitsyn I. V. Ancient Monuments of the Eastern Manych. Parts 1–2. Saratov: Saratov State University Publ., 1978. Part 1. 130 p. Part 2. 117 p. (In Russ.)

Sinitsyn I. V., Erdniev U. E. Antiquities of Eastern Manych. In: *Monuments of Kalmykia of the Stone and Bronze Age*. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1982. Pp. 59–62. (In Russ.)

Sinitsyn I. V., Erdniev U. E. Antiquities of the Eastern Manych. In: *Antiquities of Kalmykia*. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1985. Pp. 43–78. (In Russ.)

Sinitsyn I. V., Erdniev U. E. Antiquities of the Eastern Manych. In: *Archaeological Monuments of Bronze Age and Middle Ages*. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1981. Pp. 29–66. (In Russ.)

Sinitsyn I. V., Erdniev U. E. Antiquities of the Eastern Manych. In: *Materials on Archaeology of Kalmykia*. Elista: Kalmyk Institute of Social Sciences of the USSR Acad. of Sciences, 1991. Pp. 4–21. (In Russ.)

Sinitsyn I. V., Erdniev U. E. Antiquities the Eastern Manych. In: *Archaeological Monuments of Kalmyk Steppe*. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1979. Pp. 25–94. (In Russ.)

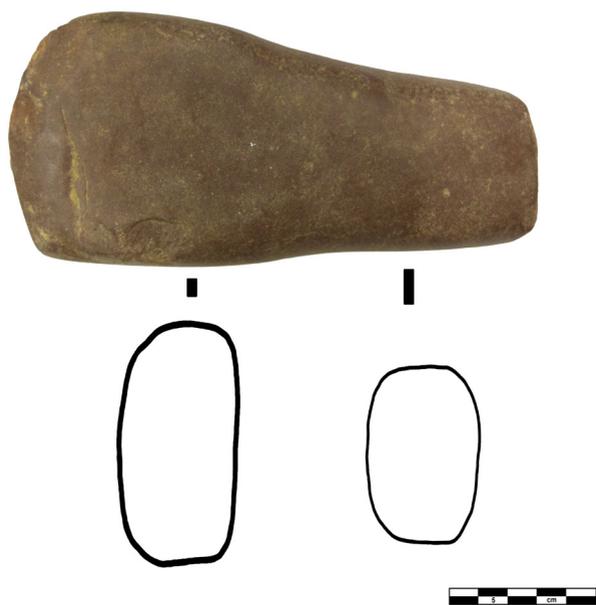

Рис. 1. Пест каменный. ВМЛБ-2-1965. Курган 8. Погребение 5

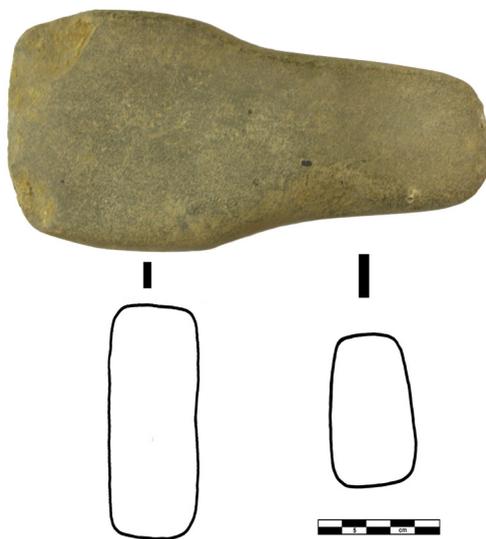

Рис. 2. Пест каменный. ВМЛБ-2-1965. Курган 8. Погребение 10

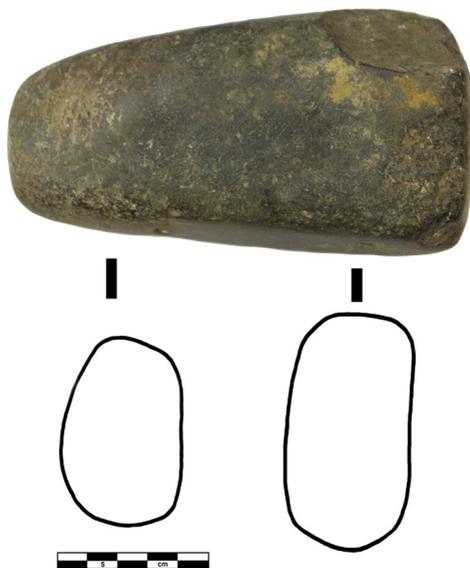

Рис. 3. Пест каменный. ВМЛБ-2-1965. Курган 8. Погребение 14

Рис. 4. Пест каменный. ВМЛБ-2-1965. Курган 9. Погребение 1

Рис. 5. Пест каменный. ВМЛБ-2-1965. Курган 23. Жертвенник

Рис. 6. Шило бронзовое. ВМПБ-1-1965. Курган 5. Погребение 5

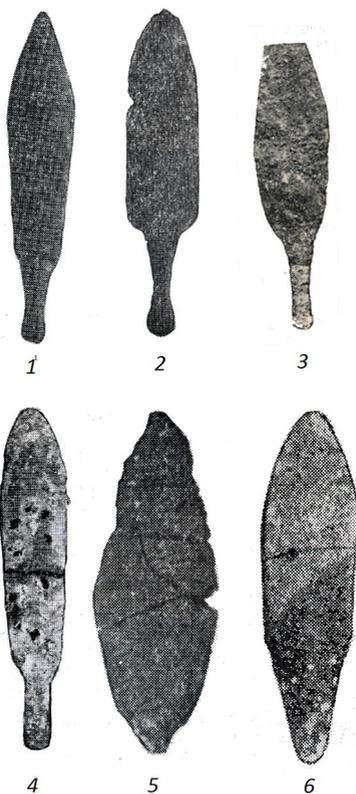

Рис. 7. Ножи бронзовые: 1 – ВМЛБ-1-1965, к. 6 п. 2; 2 – ВМЛБ-1-1965, к. 11 п. 3; 3 – ВМЛБ-3-1966, к. 17 п. 8; 4 – ВМЛБ-1-1965, к. 19 п. 3; 5 – ВМЛБ-1-1965, к. 21 п. 12; 6 – ВМЛБ-1-1965, к. 7 п. 5

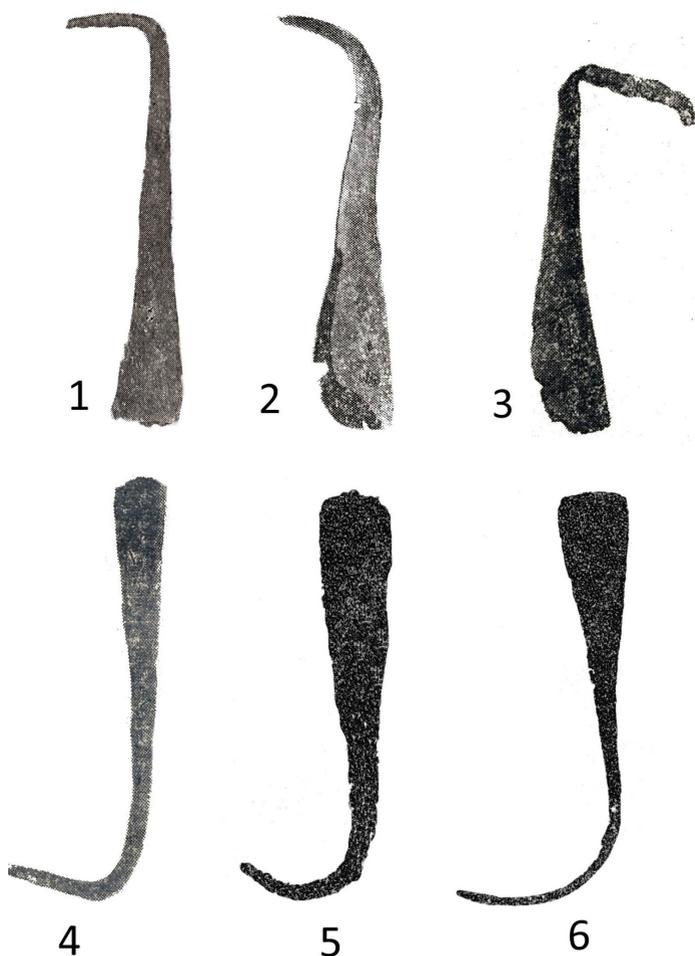

Рис. 8. Крюки бронзовые: 1 – ВМЛБ-2-1965, к. 8 п. 1; 2 – ВМЛБ-2-1965, к. 33 п. 1; 3 – ВМЛБ-3-1966, к. 17 п. 8; 4 – ВМЛБ-3-1966, к. 20 п. 3; 5 – ВМПБ-1-1967, к. 16 п. 8; 6 – ВМПБ-1-1967, к. 16 п. 8

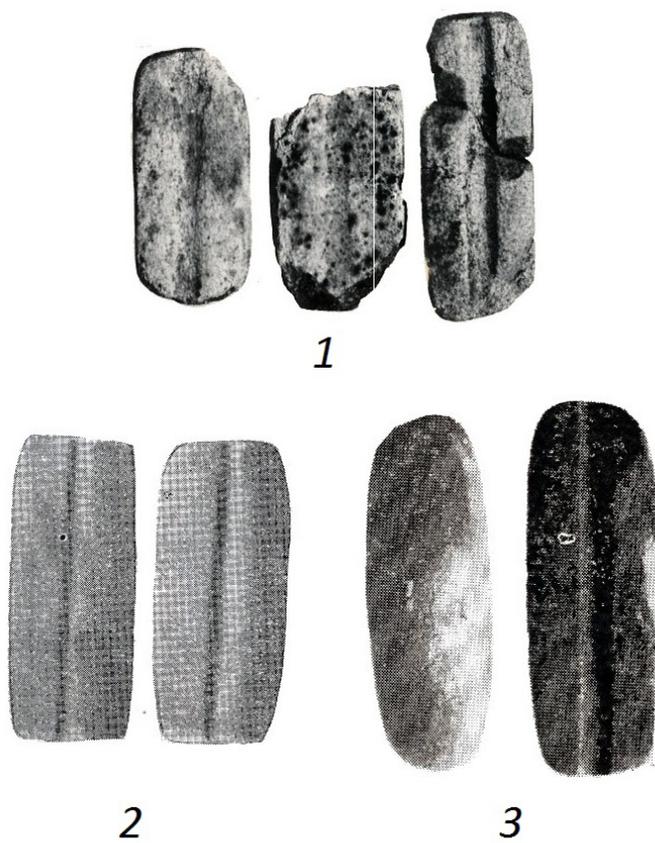

Рис. 9. Выпрямители древков стрел каменные: 1 – ВМЛБ-1-1965, к. 21 п. 11; 2 – ВМЛБ-1-1965, к. 6 п. 2; 3 – ВМЛБ-2-1965, к. 34 п. 4